

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/26/11

ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОРМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Елена Александровна Артамонова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ea.artamonova@yandex.ru*

Аннотация. В определённых законом случаях выраженная в установленном порядке воля уголовно преследуемого лица меняет направление движения производства по уголовному делу, по сути, меняя уголовно-процессуальную форму. С этих позиций рассмотрены отдельные процедуры, в частности переход из общего порядка дознания в его сокращённую форму и наоборот, реализация права на суд с участием присяжных и особый порядок рассмотрения уголовного дела, прекращение уголовного дела в связи с декриминализацией деяния.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, дифференциация судопроизводства, обвиняемый, волеизъявление обвиняемого, учёт мнения обвиняемого

Для цитирования: Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого и дифференциация формы судопроизводства // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 60–65. doi: 10.17223/23088451/26/11

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/11

THE DEFENDANT'S DECLARATION OF WILL AND THE DIFFERENTIATION OF JUDICIAL PROCEDURE FORMS

Elena A. Artamonova¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ea.artamonova@yandex.ru*

Abstract. In legally prescribed circumstances, the will of a person subject to criminal prosecution, when expressed in the prescribed manner, can alter the trajectory of criminal proceedings, effectively changing the criminal procedural form. From this perspective, the article examines specific procedures within existing frameworks. These include: the transition from the general order of inquiry to its abbreviated form (and vice versa), the exercise of the accused's right to a trial by jury, the special judicial procedure, and the termination of a criminal case due to the decriminalization of an act. It is acknowledged that recent decades have witnessed an evolution in criminal procedure—a shift toward recognizing the individuality of the accused and accounting for their opinion, which in itself acts as a factor in differentiating procedural forms. A critical analysis of existing regulations governing court proceedings in cases investigated under the abbreviated inquiry format, coupled with a lack of uniform application in practice, justifies the need to legally mandate the judicial examination of evidence cited in the indictment. The article formulates proposals for improving legal regulation and expanding the use of non-ordinary proceedings initiated by the accused. These include broadening the jurisdiction of jury trials to cover cases under Parts 2-6 of Article 264 of the Criminal Code and cases of economic crimes committed in the IT sphere. Furthermore, it advocates for the possibility of an immediate transition from the general trial procedure to the special procedure upon a corresponding motion by the defendant during the preparatory part of the court hearing, provided all other legal requirements are met. An analysis of decriminalization as a relatively independent sub-ground for terminating a case due to the absence of a crime—and the differences in considering the accused's opinion during its application in pre-trial versus judicial proceedings, which necessitate a complex procedural mechanism—suggests the need to establish decriminalization as an independent ground for termination. This would allow for a unified application procedure regardless of the procedural stage, given that the accused holds the same procedural status both during the investigation and in court, and thus the legal response and consideration of their opinion should be consistent.

Keywords: criminal procedural form, differentiation of judicial procedure, the accused, defendant's declaration of will, consideration of the accused's opinion

For citation: Artamonova, E.A. (2025) The defendant's declaration of will and the differentiation of judicial procedure forms. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 60–65. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/11

Дифференциация уголовно-процессуальной формы в качестве важнейшего направления развития судопроизводства была провозглашена в Концепции судебной реформы (абз. 6 п. 3) и продолжает развиваться до

настоящего времени. Особенностью современного развития отечественного уголовного процесса являются изменения, связанные с отношением к личности вообще и к личности уголовно преследуемого лица в частности.

Появились и широко применяются производства, инициируемые именно обвиняемым (подозреваемым). Изменение направления движения уголовного судопроизводства в определённых предусмотренных законом случаях стало зависеть от выраженного в установленном законом порядке желания обвиняемого (подозреваемого). Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) на применение соответствующей уголовно-процессуальной процедуры выступает критерием дифференциации уголовно-процессуальной формы¹. В основе такой дифференциации лежат факторы, связанные с личностью уголовно-преследуемого лица, его поведением в процессе производства по уголовному делу, его «особыми интересами» [1. С. 67]. Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) влияет на изменение процессуальной формы, не только связанной с переходом от общего порядка к исключительному (широко применяются на практике сокращённое дознание, особый порядок принятия судебного решения, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей), но и относительно отдельных процедур внутри традиционных уголовно-процессуальных институтов (например, прекращение уголовного дела (уголовного преследования)² ввиду декриминализации, истечения сроков давности и пр.).

Производство во всех неординарных процедурах, как упрощённых (особые порядки), так и усложнённой (суд с участием присяжных), инициируется самим обвиняемым. Получив соответствующую информацию (право информированности об их порядке и последствиях), обвиняемый приобретает возможность выбора. Инициатива перехода в неординарное производство всегда исходит от самого уголовно преследуемого лица и выражается путём заявления соответствующего ходатайства. Толчком, запускающим механизм решения вопроса о допустимости и возможности особой процедуры, является выраженное обвиняемым желание на это, которое приобретает процессуальное значение, проявляющееся (выражающееся) во влиянии волеизъявления обвиняемого непосредственно на выбор процессуальной формы.

Производство дознания в сокращённой форме (сокращённое дознание). В настоящее время закон предоставляет подозреваемому ряд полномочий, позволяющих ему воздействовать на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности. Он имеет возможность влиять на изменение формы дознания – переход из общего порядка дознания в его сокращённую форму и наоборот, а также на уголовно-процессуальную деятельность в ходе сокращённого дознания. Проявляется это через выражение подозреваемым непосредственно (напрямую) желания об изменении формы дознания: заявление ходатайства о производстве дознания в сокращённой форме (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ) или, наоборот, заявление ходатайства о прекращении производства до-

знания в сокращённой форме и о продолжении производства дознания в общем порядке (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ). И если первое ограничено установленными законом условиями и сроками, то второе возможно в любой момент производства по делу вплоть до удаления суда в совещательную комнату для вынесения итогового решения и является обязывающим для правоприменителя. Причём, если в намерениях подозреваемого наличествует противоречие: с одной стороны, он изъявил желание на производство расследования его дела в сокращённом дознании, а с другой – оспаривает правильность квалификации им содеянного, указанной в постановлении о возбуждении уголовного дела, разрешается оно всегда в пользу ординарного порядка производства дознания (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). Отступление от общего правила допускается только при наличии твердой позиции подозреваемого, чётко и однозначно выраженной вовне. Подозреваемый имеет возможность влиять и на доказывание: он наделён правом оспаривать достоверность полученных (в том числе до возбуждения уголовного дела) доказательств, что влечёт за собой обязанность дознавателя проверить имеющуюся информацию процессуальными средствами (п. 1, 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Реализуя обозначенные выше возможности, уголовно преследуемое лицо влияет на изменение движения дела. Его выраженная установленным образом воля влечёт правовые последствия. В результате у правоприменителя появляются определённые запреты и обязанности действовать в соответствии с желанием обвиняемого (подозреваемого).

Предоставление подозреваемому возможности менять форму дознания сначала с общего порядка на сокращённый, а передумав, возвращаться в общий порядок, порождает сомнения в целесообразности этого механизма и опасения в недобросовестности его использования. В связи с этим более правильной выглядит позиция Б.Я. Гаврилова, считающего, что «решение о производстве расследования в сокращённой форме должно быть за уголовно-процессуальным законом и лицом, производящим расследование» [3. С. 4]. В развитии этой мысли ещё в 2015 г. МВД России даже был подготовлен, но так и остался без движения проект закона о внесении изменений в УПК РФ в части введения особого порядка досудебного производства, которым исключалось право лица на выбор формы дознания, не предполагалось даже его согласие, а предлагалось лишь письменно уведомлять подозреваемого о применении особого порядка досудебного производства (ст. 226.10 Законопроекта).

Регламентируя производство по уголовным делам в порядке гл. 32.1 УПК РФ, закон, помимо собственно особенностей расследования в этой форме, закрепляет и особенности судебного разбирательства по таким делам, в том числе устанавливая особый порядок их рассмотрения «в автоматическом режиме» [4. С. 40], т.е. сугубо в силу закона, а не по воле обвиняемого (как это

¹ Интересы лица, в отношении которого ведётся уголовное судопроизводство, рассматриваются в качестве критерия дифференциации уголовно-процессуальной формы не только в уголовном процессе России, но и Беларуси [2. С. 9–10].

² Далее в тексте статьи будет обозначаться только прекращение уголовного дела, учитывая близость этих институтов.

происходит по общему правилу, исходя из предписаний ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Получается, что, запросив сокращённое дознание, подозреваемый механически инициирует и особый порядок судебного разбирательства. И предварительное расследование, и судебное разбирательство осуществляются в особом порядке, в основе которого лежат признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины и согласие с предъявленным подозрением (обвинением). Сокращённая форма расследования перетекает в упрощённую форму рассмотрения уголовного дела; государство фактически устраняется от полноценного (в полном объёме) производства по делу, полагаясь на волю уголовно преследуемого лица, что недопустимо. Одновременное их применение не позволяет обеспечить должное, прежде всего объективное, познание всех обстоятельств дела. Поэтому при сохранении сокращённого дознания необходимо усиливать судебную составляющую – проводить полноценное судебное разбирательство в пределах непосредственного исследования доказательств, указанных в обвинительном постановлении. Это позволит в случае плохо проведённого расследования устранить допущенные дознавателем недостатки и пробелы; избежать нарушений прав и свобод лиц, вовлечённых в уголовное судопроизводство, и, как следствие, обеспечить право на справедливое правосудие. Чёткое закрепление в законе такого требования положит конец проблемам, возникающим в правоприменении и порождающим неоднородность судебной практики вследствие неоднозначных, если не сказать противоречивых, сегодняшних предписаний. Закон, с одной стороны, требует постановления приговора на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении (ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ), с другой – предписывает осуществлять судебное производство в порядке, установленном ст. 316 и 317 УПК РФ (ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ), т.е. в особом порядке, без исследования доказательств виновности лица в совершении преступления. Буквальное прочтение ведёт к противоречию – приговор должен содержать оценку доказательств, исследованных в судебном заседании (в классическом понимании понятия «исследование доказательств» – непосредственно в зале суда с участием сторон), а в судебном заседании доказательства не исследуются (за рядом исключений) – особый же порядок. С целью устранения любой неоднозначности в толковании ч. 1 и ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ необходимо более чётко прописать в законе обязательность исследования в рамках судебного следствия доказательств, указанных в обвинительном постановлении.

Для сравнения: белорусский законодатель, предусматривая ускоренное досудебное производство, допускает последующее сокращённое судебное разбирательство (производство судебного следствия в сокращённом порядке) по таким делам, но только в случаях признания обвиняемым своей вины, которое не оспаривается какой-либо из сторон и не вызывает сомнений у суда, и

только после допроса подсудимого по поводу предъявленного ему обвинения и выяснения, не является ли признание вынужденным (ст. 326, 458 УПК РБ). В суде подсудимого обязательно допрашивают, убеждаясь в добровольности и истинности его показаний. Если же у суда возникают сомнения в отсутствии материально-правового спора между сторонами по уголовному делу, то есть обвиняемый не признаёт вину полностью или в части, или суд сомневается в достоверности его показаний, разбирательство дела происходит в обычном порядке [5. С. 42–68].

Особый порядок принятия судебного решения стабильно широко применяется на практике. Несмотря на то, что в 2020 г. законодатель вновь ввёл запрет на рассмотрение в таком порядке уголовных дел о совершении тяжких преступлений, поэтому процент принятых решений (рассмотрения дел по существу) в сокращённой процедуре ожидаемо снизился с $\approx 70\%$ в 2015–2018 гг. и $\approx 60\%$ в 2019 г., в послереформенный период до $\approx 35\%$ в 2024 г. ($\approx 37\%$ в 2023 г., $\approx 40\%$ в 2022 г.)¹, доля судебных разбирательств, порядок которых опосредованно определяется занимаемой обвиняемым позицией (признаёт себя виновным, не оспаривает предъявленное обвинение) остаётся внушительной. Основанием изменения процессуальной формы судебного разбирательства с общего порядка на особый является выраженное в установленном законом порядке волеизъявление обвиняемого. Сегодня закон разрешает ему заявить такое ходатайство при выполнении требований ст. 217 УПК РФ или на предварительном слушании, если оно проводится (ч. 2 ст. 315 УПК РФ). Если предварительное слушание не является обязательным по этому делу, обвиняемый ограничен в заявлении такого ходатайства только этапом ознакомления с материалами уголовного дела. Этим рассматриваемое право обвиняемого неоправданно ограничено. Допустимо безболезненное расширение права обвиняемого выразить желание на изменение формы осуществления уголовного правосудия в сторону упрощения, предусмотрев такую возможность и в подготовительной части судебного разбирательства. Такое положение закона не будет нарушать права и законные интересы других участников процесса, а, наоборот, будет способствовать наиболее эффективному применению рассматриваемого института. Основные отличия упрощённого судебного разбирательства от производства в общем порядке проявляются именно в судебном следствии и состоят в порядке и объёме исследования собранных доказательств. Без вреда для производства по делу возможен переход из общего порядка в особый, если обвиняемый выразит своё желание об этом до начала судебного следствия. Негативные последствия такого решения усматриваются лишь в «холостом» вызове в суд свидетелей, специалистов и экспертов, но их острота сглаживается тем, что на практике на первое судебное заседание многие из указанных лиц, как правило, не являются. В остальном же оно даёт исключительно

¹ Раздел 1. Движение дел. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрис-

дикции и мировых судей за 2015–2019, 2021–2024 гг. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79>

преимущества для судопроизводства: упрощается процедура, сокращаются сроки, гарантируется смягчение последствий. И, что немаловажно, это будет отвечать требованию процессуальной экономии: сбережению времени (не нужно по новой принимать организационные меры по обеспечению явки в судебное заседание его участников с соблюдением предусмотренных в законе сроков (ч. 4 ст. 231 УПК РФ), начинать судебное заседание) и затрат, связанных с обеспечением вызова и явки в суд сторон, включая процессуальные издержки.

Производство в суде с участием присяжных как форма отправления уголовного правосудия признаётся в теории уголовного процесса и высшими российскими судами как наиболее совершенная. Её применение зависит исключительно от положительного волеизъявления обвиняемого. Вместе с тем в условиях современного правового регулирования доля дел, рассматриваемых такими судами, ничтожно мала. Она существенно не увеличилась ни в связи с внедрением такого состава суда в районные и приравненные к ним суды и, соответственно, с расширением родовой подсудности таких судов в обозначенном составе, отнесением ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ к преступлениям, уголовные дела о которых по выбору обвиняемого могут быть ими рассмотрены, ни получением женщинами и мужчинами старше 65 лет права предстать перед присяжными. По данным опубликованной судебной статистики, в 2024 г. с участием присяжных было рассмотрено по существу всего 845 уголовных дел¹, что составило $\approx 0,13\%$ от числа всех уголовных дел, рассмотренных за указанный период судами по первой инстанции.

Возможность рассмотрения уголовного дела с участием присяжных повышает качество работы правоприменителя, поднимает уровень доверия населения суду, способствует открытости правосудия, что суммарно обеспечивает достижение справедливости уголовного правосудия. Исходя из этого, логично, чтобы как можно большее число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, имело возможность предстать перед таким составом суда. В идеале по предметному критерию суд с участием присяжных должен быть доступен всем лицам, обвиняемым в совершении любого тяжкого или особо тяжкого общеуголовного преступления, включая несовершеннолетних, а также ряда преступлений средней тяжести, имеющих широкое распространение, повышенную общественную опасность и тяжкие последствия, механизм совершения которых понятен обычным гражданам и не будет вызывать у них особых затруднений при разрешении дела по существу. Например, к таким преступлениям в полной мере относятся уголовно наказуемые деяния, предусмотренные ч. 2–6 ст. 264 УК РФ. Их включение в перечень п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ (отнесение к подсудности районного суда с участием присяжных) способствовало бы повышению уровня доверия общества к уголовному судопроизводству. Время высоких скоростей, мощных двигателей и отсутствие

внутренней ответственности водителей требуют кардинально иного подхода к порядку привлечения к уголовной ответственности лиц, ответственных за гибель людей в результате нарушения ими правил дорожного движения. Ещё одним перспективным направлением расширения возможностей обвиняемого воспользоваться правом на суд с участием присяжных является повсеместное внедрение во все сферы жизнедеятельности информационных технологий. Особенности времени, в котором мы живём, новый виток развития рыночной экономики с элементами государственного регулирования, стремительное развитие цифровых технологий, овладение навыками использования которых происходит чуть ли не с младенчества, обусловили, в частности, не лишённое логики и рациональности предложение, сформулированное на уровне Правительства Российской Федерации, об отнесении к подсудности суда с участием присяжных уголовных дел об экономических преступлениях, совершённых в сфере ИТ.

Возможности обвиняемого влиять на уголовно-процессуальную деятельность расширяются. Внутри давно известных традиционных институтов действуют *процедуры, использование и само выполнение которых зависят от желания вовлекаемого в процесс лица*. Весьма интересным в этой связи представляется влияние волеизъявления обвиняемого на принятие решения о прекращении уголовного дела вследствие декриминализации деяния. Порядок принятия решения о прекращении уголовного дела ввиду декриминализации деяния в современной правовой регламентации различается, имеет качественные особенности в процедуре (дифференцирован) в зависимости от стадии уголовного процесса, на которой принимается такое решение [6. С. 136], и обязательности учёта мнения по этому вопросу уголовно преследуемого лица.

Декриминализация представляет собой относительно самостоятельное субоснование такого основания прекращения уголовного дела, как отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). В настоящее время в зависимости от этапа уголовного судопроизводства различается значимость волеизъявления обвиняемого для принятия решения и, соответственно, порядок применения указанного субоснования. Исходя из буквальных предписаний закона, декриминализация – это нереабилитирующее основание прекращения уголовного дела (ч. 4 ст. 133 УПК РФ), и по логике вещей для его применения необходимо согласие на это обвиняемого, однако в перечне ч. 2 ст. 27 УПК РФ оно (основание – декриминализация) не указано. Одновременно, закон предписывает прекращать уголовное дело в связи с декриминализацией деяния (по факту) юридически по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. за отсутствием состава преступления (ч. 2 ст. 24 УПК РФ), что в целом является реабилитирующим основанием. Всё это образует весьма противоречивую ситуацию, ещё больше усложняющуюся процедурными особенностями принятия решения по такому субоснованию.

¹ См.: Раздел 1. Движение дел. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей

юрисдикции и мировых судей за 2024 г. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79>

По общему правилу для прекращения уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления согласия уголовно-преследуемого лица не требуется. И только в единственном случае закон предусматривает исключение из этого правила: прекращение дела судом ввиду декриминализации деяния (ч. 1.1 ст. 239, ч. 2 ст. 254 УПК РФ). Согласие – обязательное условие. На досудебное производство это правило не распространяется. Сбалансировать такое несоответствие законодательной регламентации, неравенство в учёте мнения обвиняемого призван особый порядок обжалования решения следователя (дознателя) о прекращении уголовного дела ввиду декриминализации (ст. 125.1 УПК РФ), посредством которого обеспечивается право лица выразить свою позицию относительно принятого в отношении него решения (на принятие самого решения мнение обвиняемого (подозреваемого) не влияет). Обвиняемый, выбирая вынесение более предпочтительного для себя решения, своим волеизъявлением способствует дальнейшему движению уголовно-процессуальных правоотношений, их развитию или прекращению.

Всё это обособливает, ставит в особое положение декриминализацию преступного деяния как основание прекращения уголовного дела. О том, что декриминализация, по сути, является отдельным, самостоятельным реабилитирующим основанием прекращения уголовного дела со всеми вытекающими из этого последствиями, неоднократно обоснованно отмечалось в отечественной процессуальной литературе [7. С. 50; 8. С. 74; 9. С. 267]. Именно по этому пути пошёл законодатель нашего союзного государства – Республики Беларусь. Согласно п. 10 ч. 1 ст. 29 УПК РБ вступление в силу законодательного акта, устраняющего наказуемость деяния, является самостоятельным основанием, исключающим производство по уголовному делу. При обнаружении этого обстоятельства на стадии судебного разбирательства суд прекращает производство по делу с освобождением подсудимого от уголовной ответственности (ч. 2 ст. 29 УПК РБ). Белорусский правоприменитель по рассматриваемому вопросу независим от желания уголовно преследуемого лица на всём протяжении производства по уголовному делу.

Существующий ныне в России механизм применения декриминализации как основания для прекращения уголовного дела сложен и труден для понимания, уяснения и применения (правоприменитель в резолютивной части решения обязательно уточняет, что основанием прекращения является декриминализация, указывая не только п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, но и ч. 2 ст. 24 УПК РФ [9. С. 265]).

Закон должен быть простым и понятным, чего нельзя сказать о нормативном регулировании рассматриваемого вопроса. Сложность законодательной регламентации и особый процессуальный механизм применения требуют законодательного признания декриминализации деяния самостоятельным основанием прекращения уголовного дела. Думается, что при таком подходе особых противоречий не возникнет, действующий закон уже знает подобный прецедент – отсутствие события преступления, ведь, по большому счёту, состав преступления отсутствует и тогда, когда нет события преступления. Косвенным аргументом, подтверждающим, что назрела необходимость разрешения этого вопроса именно таким образом, можно признать выделение в качестве самостоятельного показателя судебной статистики жалоб на прекращение уголовного дела ввиду декриминализации деяния. Например, в 2024 г. по этому основанию было рассмотрено и окончено производством 17 жалоб (удовлетворено 7, или 41%, отказано в удовлетворении по 2, или 12%).

Кроме этого, остаётся недоразрешённым вопрос о необходимости испрашивать согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела ввиду декриминализации в досудебном производстве. Если закон без каких-либо исключений признаёт это основание реабилитирующим, применение его должно быть возможным только с согласия уголовно преследуемого лица во всех случаях независимо от этапа судопроизводства. Обвиняемый на предварительном расследовании и в суде имеет одинаковое процессуальное положение, а значит, и учёт его мнения, и реакция на него правоприменителя должны быть одинаковыми.

Рассмотренные случаи, когда волеизъявление обвиняемого оказывает влияние на уголовно-процессуальную форму, по сути, приводит к её дифференциации, не являются исчерпывающими. Современный уголовный процесс значительно изменился, стал в определённой мере зависимым от уголовно-процессуального поведения обвиняемого (поведенчески зависимым). Меняется соотношение полномочий властных участников судопроизводства и правомочий обвиняемого. Вводятся всё больше процедур, где правоприменитель обязан согласовывать свои действия и принимаемые решения с обвиняемым, а в ряде случаев волеизъявление обвиняемого является обязывающим для должностного лица, ведущего процесс. Выражая своё волеизъявление, обвиняемый защищает и отстаивает собственные права, свободы и законные интересы и одновременно воздействует на ход уголовно-процессуальной деятельности.

Список источников

1. Смирнова И.С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 65–69.
2. Шпак В.В. Проблемы и критерии дифференциации уголовно-процессуальной формы // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 13 / отв. ред. В.Н. Бибило. Минск : БГУ, 2002. С. 1–10.
3. Гаврилов Б.Я. Дознание в сокращённой форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). Электронный научный журнал. 2014. № 6. С. 1–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doznanie-v-sokrashchennoy-forme-zakonodatelnye-mify-i-realii-pravoprimeneniya/viewer> (дата обращения: 18.07.2025).
4. Лазарева В.А. Сокращённое дознание и вопросы доказательственного права // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1 (15). С. 37–43.

5. Зайцева Л.Л. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: обзор изменений и практики применения // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. трудов / редкол.: А.В. Барков [и др.]. Минск, 2010. С. 42–68.
6. Новикова Ю.Г. Особенности реализации диспозитивных начал в ходе прекращения уголовного дела в связи с декриминализацией деяния // Новеллы права, экономики и управления 2021 : сб. науч. тр. по материалам VII междунар. науч.-практ. конф. (Гатчина, 26–27 ноября 2021 г.). Гатчина, 2022. С. 133–137.
7. Артамонова Е.А. Прекращение уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления: внутренняя дифференциация // Юго-Западный юридический форум : сб. науч. тр. Юго-Западного юрид. форума, посвящ. 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета (15–16 октября 2021 г.) / отв. ред. Е.В. Позднякова. Вып. 1. Курск : ЮЗГУ, 2021. С. 47–51.
8. Евстигнеева О.В., Лавнов М.А., Спесивов Н.В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в российском уголовном процессе : учеб. пособие. Саратов : СГЮА, 2018. 184 с.
9. Полтинин А.В. Проблемные вопросы, связанные с практической реализацией закона, устраняющего преступность деяния // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 264–268.

References

1. Smirnova, I.S. (2015) Kriterii differentsiatsii osnovnykh ugolovno-protsessual'nykh proizvodstv [Criteria for Differentiation of Main Criminal Procedural Proceedings]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 1 (26). pp. 65–69.
2. Shpak, V.V. (2002) Problemy i kriterii differentsiatsii ugolovno-protsessual'noy formy [Problems and Criteria of Differentiation of Criminal Procedural Form]. In: Bibilo, V.N. (ed.) *Pravo i demokratiya* [Law and Democracy]. Vol. 13. Minsk: BSU. pp. 1–10.
3. Gavrilov, B.Ya. (2014) Doznanie v sokrashchennoy forme: zakonodatel'nye mify i realii pravoprimereniya [Inquiry in Abbreviated Form: Legislative Myths and Realities of Law Enforcement]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*. 6. pp. 1–7.
4. Lazareva, V.A. (2015) Sokrashchennoe doznanie i voprosy dokazatel'stvennogo prava [Abbreviated Inquiry and Issues of Evidence Law]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (15). pp. 37–43.
5. Zaytseva, L.L. (2010) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Belarus': obzor izmeneniy i praktiki primeneniya [Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus: Review of Changes and Practice of Application]. In: Barkov, A.V. et al. (eds) *Pravosudie i prokurorskiy nadzor v Respublike Belarus': zakonodatel'stvo i praktika primeneniya* [Justice and Prosecutorial Supervision in the Republic of Belarus: Legislation and Practice of Application]. Minsk: [s.n.]. pp. 42–68.
6. Novikova, Yu.G. (2022) Osobennosti realizatsii dispoziitivnykh nachal v khode prekrashcheniya ugolovnogo dela v svyazi s dekriminalizatsiyey deyaniya [Implementation of Dispositive Principles in the Termination of a Criminal Case in Connection with the Decriminalization of an Act]. In: *Novelly prava, ekonomiki i upravleniya 2021* [Novelties of Law, Economics and Management 2021]. Proc. of the 7th Conference. Gatchina, November 26–27, 2021. Gatchina. pp. 133–137.
7. Artamonova, E.A. (2021) Prekrashchenie ugolovnogo dela v svyazi s otsutstviem sostava prestupleniya: vnutrennyaya differentsiatsiya [Termination of a Criminal Case Due to the Absence of Corpus Delicti: Internal Differentiation]. In: Pozdnyakova, E.V. (ed.) *Yugo-Zapadnyy yuridicheskiy forum* [South-West Legal Forum]. Vol. 1. Kursk: SWSU. pp. 47–51.
8. Evstigneeva, O.V., Lavnov, M.A. & Spesivov, N.V. (2018) *Prekrashchenie ugolovnogo dela (ugolovnogo presledovaniya) v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Termination of a Criminal Case (Criminal Prosecution) in Russian Criminal Procedure]. Saratov: SSLA.
9. Poltinin, A.V. (2014) Problemye voprosy, svyazannye s prakticheskoy realizatsiyey zakona, ustranyayushchego prestupnost' deyaniya [Problematic Issues Related to the Practical Implementation of the Law Eliminating the Criminality of an Act]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 4 (28). pp. 264–268.

Информация об авторе:

Артамонова Е.А. – доцент, доктор юридических наук, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ea.artamonova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Artamonova, Dr. Sci. (Law), docent, professor at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ea.artamonova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*